

Уральские горнозаводчики XVIII – начала XX в.: эволюция исторических типов

Евгений Неклюдов

The owners of the Ural mining enterprises from the eighteenth through the early twentieth centuries: evolution of their types

*Evgeny Neklyudov (Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg)*

В начале своего творческого пути уроженец и знаток Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк задумал написать трилогию, в которой предполагал «в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков»¹. В полной мере замысел писателя не осуществился: в 1880-е гг. он создал романы «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо», в которых представил собирательный образ далёкого потомка энергичных «фундаторов» заводов XVIII в., превратившегося в «бесхарактерного и бессильного» владельца, не занимавшегося уже заводским делом. Писатель счёл такой тип венцом эволюции исторического облика горнозаводчиков, со всей неизбежностью ведущей к краху и саму уральскую промышленность. Это представление сложилось у него в условиях начавшегося кризиса отрасли, который казался современникам симптомом её окончательного упадка и во многом связывался с личностными характеристиками хозяев многочисленных уральских горнозаводских округов. Но насколько это было верно?

За два с лишним века от строительства первых металлургических заводов на Урале в начале XVIII в. до национализации промышленности и ликвидации крупной частной собственности в Советской России уральские горнозаводчики (их насчитывалось около 850 человек)² превратились в одну из самых значимых и престижных групп российского предпринимательства. При этом, разумеется, их исторический облик, определявшийся изменениями в социальном статусе и способах владения и управления заводами, претерпел существенную эволюцию.

Деятельные «фундаторы», вышедшие из разных слоёв общества, смогли в достаточно сжатые сроки создать на Урале основу промышленности protoиндустриального уровня. Перенеся сюда европейский технологический опыт, они воспользовались теми неограниченными ресурсами, которые получали от государства. В 1719 г. Берг-привилегия установила государственную монополию

© 2016 г. Е.Г. Неклюдов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00137.

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Автобиографическая записка // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 197.

² Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / Авт.-сост.: Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукусуев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург, 2013.

на недра и разрешила разрабатывать минеральные ресурсы «всем, и каждому... какого б чина и достоинства он ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях»³. Одновременно «горная регалия» была дополнена лесной, что позволило казне выделять заводчикам огромные земельные «дачи» для заготовки древесного топлива. Государство приписывало к заводам государственных крестьян, а в 1721 г. предоставило их владельцам право покупать крепостных. Возникшая тогда тесная связь заводчиков и государства, меняя свои формы, сопровождала их взаимоотношения и в дальнейшем.

Главной заслугой первых поколений горнозаводчиков стало не просто строительство заводов, а создание окружной системы, которая оказалась наиболее совершенной формой организации металлургического производства в географических и демографических условиях Урала того времени. В каждом округе формировался металлургический комплекс, состоявший из нескольких заводов-цехов, расположенных на приписанной к ним обширной территории, где организовывалась также добыча руды и заготовка топлива, прокладывались транспортные коммуникации и создавалась социальная инфраструктура, призванная обеспечивать жизнь сложного по своему составу рабочего населения.

Всё это требовало непосредственного участия заводчика, которому необходимо было сочетать организаторские способности с техническими и экономическими знаниями, умением договариваться с начальством разного уровня, вплоть до самого высшего, и готовностью жёстко удерживать работников на предприятиях с тяжелейшими условиями труда. Основным методом обеспечения заводов рабочей силой стало в существовавших тогда условиях закрепощение, вызывавшее активное сопротивление, которое подавлялось с помощью того же государства⁴.

Поэтому период становления округов оказался довольно напряжённым и долгим, охватив фактически весь XVIII в. Помимо сложности задач, это было связано с неравномерностью подключения различных областей обширного края к горнозаводскому делу, а также с происходившим тогда дроблением собственности в результате распада «горных империй» крупнейших уральских заводчиков. Такие «империи», возникшие на начальном этапе развития промышленности, затем дробились, становясь своего рода «инкубаторами» обособлявшихся в их границах горнозаводских округов.

Так, во владении самого известного заводчика той эпохи А.Н. Демидова, помимо переданного ему из казны в 1702 г. первого Невьянского завода, оказалось ещё 17 других металлургических предприятий, возведённых им и его отцом Н.Д. Антюфеевым (Демидовым) на огромном пространстве Среднего Урала иногда лишь для того, чтобы закрепить за собой ту или иную территорию, считавшуюся перспективной и богатой ресурсами. Все они управлялись из Невьянска, где располагалась главная резиденция владельца. Однако внутри этого аморфного объединения далеко не всегда складывались рациональные производственные связи, и лишь со временем экономическая целесообразность приводила к образованию и обособлению в нём отдельных заводских комплексов – зачатков будущих горнозаводских округов.

Процесс дробления обширных, сложноорганизованных и трудноуправляемых «горных империй» ускорялся при смене поколений владельцев. Раз-

³ ПСЗ-I. Т. 5. № 3464. § 1.

⁴ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди в XVIII в. М., 1985; она же. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Екатеринбург, 2012.

дел наследства между сыновьями А.Н. Демидова, осуществлённый в 1758 г. с учётом уже сложившихся связей, привёл к формированию сначала трёх, а при дальнейших переходах (в 1765–1767 гг.) – четырёх самостоятельных территориально-хозяйственных комплексов с более рациональной организацией производства и управления. При необходимости в них возводились новые заводы. Тем же путём распались не менее крупные «империи» других уральских горнозаводчиков – Строгановых (в 1747–1749 и 1757–1763 гг.), Н.Н. Демидова (в 1758 и 1783 гг.), И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова (в 1782–1785 гг.), С.Я. Яковлева (в 1787–1788 и 1806 гг.) и др.⁵ К концу XVIII в. на территории Урала функционировало 48 частных и 6 казённых округов (в дальнейшем их число менялось).

Параллельно происходила нобилитация заводчиков, которые в ходе своей промышленной деятельности превращались и в крупнейших в России землевладельцев и душевладельцев. Выходцы из Тульской оружейной слободы Демидовы получили дворянский диплом в 1726 г., «именитые люди» Строгановы стали баронами в 1722 г., соликамский купец А.Ф. Турчанинов, которому казна передала Сысертские заводы, – в 1783 г., сыновья осташковского крестьянина С.Я. Яковлева, ставшего коллежским асессором, были возведены в дворянство в 1796 и 1799 гг.⁶ Тот же путь прошли тульские купцы Лугинины и оружейники Мосоловы, выходцы из монастырских крестьян Осокины, верхотурские купцы Походяшины и наследники симбирского купца И.С. Мясникова. Несколько дворянских родов после покупки (Лазаревы, Всеволожские) или наследования (Голицыны, Шаховские, Пашковы и др.) заводов подключились к горнозаводскому предпринимательству во второй половине XVIII в. Таким образом довольно узкий вначале дворянский слой превратился в доминирующую группу в составе уральских заводчиков, доля которой и впоследствии не опускалась ниже 85%.

Одворянившиеся потомки «фундаторов» заводов постепенно усваивали образ жизни высшего сословия и отдалялись от предпринимательской деятельности, предпочитая ей государственную службу или другие занятия, связанные с их личными интересами. Иногда это приводило к полному отказу от владения заводами. Так, получив после раздела наследства отца Невьянские заводы, П.А. Демидов в 1769 г. продал их С.Я. Яковлеву. Его племянник П.Г. Демидов в 1767 г. передал полученные по наследству заводы своим братьям. Впоследствии П.А. и П.Г. Демидовы прославились как крупные благотворители. Несколько представителей рода Строгановых, желая освободиться от накопившихся долгов, продали доставшиеся им части распавшейся пермской вотчины В.А. Всеволожскому (в 1773 г.) и И.Л. Лазареву (в 1778 и 1784 гг.). Не состоялись как заводчики сыновья основателя Богословских заводов М.М. Походяшина и внуки Л.И. Лугинина, владевшие Златоустовскими заводами. Не смогли закрепиться на Урале и знатные сановники елизаветинского царствования (Воронцовы, П.И. Шувалов, А.Г. Гурьев, И.Г. Чернышёв, С.П. Ягужинский). Большинство переданных им в 1750-е гг. казённых заводов вскоре были возвращены государству, некоторые оказались проданы С.Я. Яковлеву.

⁵ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011; Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2012.

⁶ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 37–38, 43, 314, 347, 368.

Однако бо́льшая часть одворянившихся владельческих родов всё-таки сохранила заводы в своих руках, воспользовавшись теми возможностями, которые возникали по мере завершения формирования горнозаводских округов, стабилизации их производственной структуры и многоуровневой системы окружного управления, все звенья которой замещались, как правило, обученными крепостными служителями, постепенно превращавшимися в особую привилегированную касту в составе заводского населения. Создание эффективно функционировавшего местного управления требовало немалых усилий со стороны заводчика, но оно освободило его от значительной части прежних обязанностей и необходимости непосредственно участвовать в решении повседневных дел. Строгановы изначально пользовались подобной практикой, уже давно сложившейся в их пермской солепромышленной вотчине и нуждавшейся лишь в приспособлении к новому металлургическому производству. У Демидовых такая возможность появилась в третьем–четвёртом поколениях (при Н.А. Демидове и его племянниках А.Г. и П.Г. Демидовых). С.Я. Яковлеву, В.А. Всеволожскому, И.Л. Лазареву оставалось только придать завершённый вид тем порядкам, которые уже существовали на приобретённых ими предприятиях.

Следствием нобилизации владельцев и стабилизации окружной системы стали, таким образом, перемены в функциях заводчиков и их историческом облике. Хозяева отдалялись от своих заводов в прямом и переносном смысле, их предпринимательские занятия сужались до участия в принятии лишь самых важных стратегических решений, контроля за финансами и поддержания эффективности местной крепостной администрации при помощи деловой переписки и единичных инспекторских поездок в далёкие от их столичных резиденций уральские имения. Этот процесс происходил неравномерно и завершился в основном к началу XIX в.

В первой половине XIX в. «дистанционное управление» окончательно укоренилось фактически во всех горнозаводских округах и было доведено до совершенства, например, во время владения Н.Н. Демидова и его сыновей Нижнетагильскими, Х.Е. Лазарева – Чёрмозскими, кн. С.М. Голицына – Нытвенскими, А.И. Яковлева – Верх-Исетскими заводами. Это позволяло владельцам жить вдали от своих уральских имений (как правило, в Петербурге, а то и за границей), и, получая значительные доходы, состоять на государственной службе, часто в высоких чинах и должностях, путешествовать, коллекционировать произведения искусства, заниматься наукой, благотворительностью и меценатством⁷.

Между тем на рубеже XVIII–XIX вв. произошли перемены в политике властей, которые стали рассматривать «горный промысел» не столько как «источник народного благосостояния», сколько как «источник государственных доходов»⁸. Это выразилось, в частности, в закреплении владельческих

⁷ Демидовский временник. Исторический альманах / Под ред. А.С. Черкасовой. Кн. 1–2. Екатеринбург, 1994, 2008; *Пирогова Е.П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000; *Юркин И.Н.* Демидовы – учёные, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001; *Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г.* Род Строгановых. Екатеринбург, 2007; *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008; *Кузнецов С.О.* Строгановы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012; *Мосин А.Г.* Род Демидовых. Екатеринбург, 2012; *Неклюдов Е.Г., Торопов А.Н.* Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013; *Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г.* Род Лазаревых. Екатеринбург, 2014.

⁸ Так в 1862 г. характеризовали промышленную политику тех лет члены созданной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава. См.: РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 939, л. 9–17 об.

прав казны на предоставленные многим заводчикам «пособия» в виде земель, лесов, рудников и рабочих людей. Юридическим основанием для этого стала замена «горной регалии» и «горной свободы» введённым в 1782 г. принципом акцессии (принадлежности недр владельцу поверхности земли). Это привело к разделению частных заводов на владельческие и посессионные и установлению между ними сначала податных (в 1794 г.), а затем и правовых различий, зафиксированных в изданном в 1806 г. Проекте Горного положения – первом кодексе российского горнозаводского законодательства, ставшем впоследствии основой для Горного устава. Посессионные заводы облагались теперь полуторной податью, а их владельцы (в числе которых оказались Демидовы, Мосоловы, Осокины, наследники С.Я. Яковлева, А.Ф. Турчанинова и др.) ограничивались в своих хозяйственных распоряжениях. С того времени началась и «необъявленная война» заводчиков против «казённой опеки», проявлявшаяся в индивидуальных попытках перевести свои заводы в разряд владельческих и в совместных усилиях, направленных на то, чтобы добиться пересмотра наиболее одиозных норм посессионного права⁹.

Вместе с тем, когда на Урале были обнаружены богатейшие золотые россыпи, заводчики получили в 1824 г. монополию на разработку драгоценных металлов на территории принадлежавших им округов. Воспользовавшись этим, они создали в своих хозяйствах новую высокодоходную и не требовавшую больших капиталовложений золотоплатиновую отрасль, развитие которой способствовало подъёму металлургического производства после спада, вызванного в начале XIX в. резким сокращением спроса на его продукцию в Европе. Фактически лишившись тогда внешнего рынка, уральские заводчики вынуждены были искать покупателей внутри страны, где их защищали от импортного металла высокие таможенные тарифы. Правительство не поднимало горные подати, разрешало владельцам закладывать заводские имения на длительный срок в казённых кредитных учреждениях (прежде всего Петербургской и Московской сохранных казнах), с 1847 г. стало выдавать им из открытой в Екатеринбурге конторы Коммерческого банка краткосрочные кредиты под залог металлов, для того чтобы облегчить составление операционных капиталов.

Появление новых отраслей окружного хозяйства и отмена в 1807 г. института приписных крестьян заставили уральских заводчиков всё активнее покупать крепостных или переводить их из других регионов, что вело к росту численности горнозаводского населения и унификации его правового состава. Лишь в нескольких округах оставались государственные мастеровые и неперемные работники, положение которых регулировалось особыми казёнными штатами.

Одновременно владельцы переходили в своих отношениях с крепостными работниками к «попечительской» политике, стараясь поддерживать их трудоспособность и удовлетворять разнообразные, в том числе и культурные потребности. Порой в основе этого лежали вполне прагматичные соображения. Так, Н.Н. Демидов, владевший Нижнетагильскими заводами, в одном из предписаний разъяснял приказчикам, что «притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они»¹⁰. Сказывалось и влияние получившей тогда распространение теории патернализма, разработанной

⁹ Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

¹⁰ РГАДА, ф. 1267, оп. 3, д. 338, л. 1.

французским социологом Ф. Лепле во время поездок на Урал в 1840–1850-е гг. Она опиралась на принцип «семейственности» и учитывала особенности мировоззрения православного народа¹¹. Практика патернализма на заводах вела в ряде случаев к формированию среди местного населения своего рода «культ» владельцев, который те всячески поддерживали и укрепляли. В этом плане особенно активно проявляли себя заводовладельцы, доля которых среди заводчиков достигала 40%. Так, владевшая Строгановским майоратом с Билимбаевскими заводами графиня С.В. Строганова и совладелица Нижнетагильских заводов А.К. Карамзина устраивали в своих уральских имениях ссудные кассы, вводили страхование и пенсионное обеспечение для рабочих и служащих, открывали детские приюты, школы для девочек, публичные библиотеки.

Результатом такой политики становилась относительная «гармонизация» социальных отношений и отсутствие крупных волнений, характерных для предыдущего периода, что наряду с другими факторами способствовало увеличению производительности труда и доходности заводов. Там же, где владельцы не имели достаточных средств на довольно затратную попечительскую политику или не понимали её необходимости, возникали более или менее острые конфликты, в ходе которых заводское население обрушивало свой гнев не на своих «далёких» собственников, а на находившихся рядом приказчиков и управляющих.

Стабилизационный период развития окружной системы, сопровождавшийся ростом доходов, формировал у части заводовладельцев иллюзию благополучия, что порой приводило к безрассудной трате денег, изымаемых даже из оборотного капитала, и, как следствие, к банкротству. Так, владелец Пожевских заводов В.А. Всеволожский, прозванный «русским Крёзом» за казавшиеся несметными богатства, в конце жизни оказался под попечительством, а его сыновья А.В. и Н.В. Всеволожские, известные представители петербургской богемы, задолжав казне огромную сумму денег, были вынуждены начать распродажу родового имущества, завершившуюся уже при их наследниках. Внуки А.Г. Демидова тоже не смогли удержать в своих руках родовые Суксунские заводы, которые в 1848 г. были переданы акционерной компании, составленной из их кредиторов.

В первой половине XIX в. всё острее стала ощущаться и проблема «многовладения», когда при смене поколений собственниками заводов одновременно могли оказаться от 2 до 32 (как, например, в Невьянском округе) человек. Устоявшаяся к тому времени производственная структура горнозаводских округов не позволяла уже провести раздел заводов, как это происходило в XVIII в. Вместо этого практиковалось дробление права владения ими: каждый из совладельцев получал условную долю имущества, в соответствии с которой и происходило распределение доходов и расходов. Это вело к усложнению управления и возникновению конфликтных ситуаций, случавшихся довольно часто. Так, более 30 лет длилась ссора между многочисленными наследниками А.Ф. Турчанинова, владевшими Сысертскими заводами (главную роль в ней играла враждовавшая со своими родственниками Н.А. Колтовская). Непримируемая вражда между тремя наследниками Е.Л. Лазарева осложнила ситуацию на Чёр-

¹¹ Лепле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.). Сборник исследований. Екатеринбург, 2001. С. 64–76; Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа). Ростов н/Д, 1999.

мозских заводах в 1830–1850-е гг. и вызвала значительные финансовые издержки. Причиной упадка Кыштымских заводов в 1840-е гг. официально признавался «раздор» между дочерьми купца Л.И. Расторгуева – М.Л. Харитоновой и Е.Л. Зотовой. Борьба между совладельцами Шурминско-Залазнинских заводов Мосоловыми в 1820-е гг. сопровождалась не только составлением подложных актов, но и организацией волнения рабочих с целью устранения от управления сторонников одной из соперничающих сторон¹².

Разумеется, такие случаи не только портили отношения в семьях владельцев, но и препятствовали развитию заводов и ухудшали положение заводского населения. Рост долгов заводчиков перед казной, частными кредиторами или рабочими вызывал вмешательство государства, на разные сроки ограничивавшего права владельцев с помощью учреждения опеки, попечительств, надзора или даже казённого управления. В крайнем случае, заводы выставались на публичные торги.

После освобождения горнозаводского населения от крепостного права пришлось переводить заводы на вольнонаёмный труд, более дорогой и сложно-организованный. Это усиливало социальную напряжённость, вело к столкновению экономических интересов и появлению массового рабочего движения там, где ещё недавно господствовали патерналистские отношения. Кроме того, реформа заставила уральских «заводчиков-помещиков» заняться нехарактерным для промышленников наделением мастеровых и сельских работников землёй¹³. Между тем землеустройство населения сокращало ресурсный потенциал округов, и без того истощённый длительной эксплуатацией. Сказывалось истребление окрестных лесов и отсутствие в регионе месторождений качественного каменного угля, всё шире использовавшегося в мировой металлургии. Вследствие расширения импорта металла из Европы и опережающего развития нового металлургического района на Юге России существенно возросла конкуренция, которая вызывала необходимость индустриализации, не ограниченной «встраиванием» новой техники в старую производственную структуру, как это зачастую происходило раньше. Но полноценная индустриализация наталкивалась на особенности окружной системы с её сложной организацией и сравнительно невысокими объёмами производства. Требовалось фактически разрушить сложившуюся ещё в XVIII в. систему заводского хозяйства и, по сути, создать на её месте новую промышленность индустриального типа с иной комбинацией производственных связей и рыночными механизмами функционирования¹⁴.

В 1860–1870-е гг. в правительственных кругах при участии горнозаводчиков разрабатывались проекты системных преобразований в горнозаводской промышленности, основанные на признании приоритета частной собственности и поощрении предпринимательства. Либеральный по своей сути замысел реформы предполагал ликвидацию посессионного права путём выкупа посессий

¹² Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

¹³ Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

¹⁴ Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009; Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2010.

заводчиками у казны, приватизацию почти всех казённых заводов, разрешение свободного частного промысла на государственных землях, фактическое упразднение региональной горной администрации, а также замену попудной подати подоходным налогом.

Однако задуманная реформа не удалась главным образом из-за сопротивления горных властей и сложности осуществления преобразований, требовавших учёта во многом различавшихся интересов казны, заводчиков и местного населения. В 1860–1890-е гг. только несколько округов, пользовавшихся ранее «пособием в людях», были освобождены от посессионного статуса, другие были переведены в состав владельческих при публичной продаже на основании особых Высочайших повелений. Реализация же разработанных в 1866, 1868 и 1878 гг. проектов выкупа посессионных земель и лесов откладывалась до завершения землеустройства горнозаводского населения, которое затянулось до начала XX в. Под давлением заводчиков правительство отказалось и от подготовленного в 1899 г. проекта «разверстания посессий» между казной и владельцами, грозившего остановкой многих предприятий. Лишь в начале XX в. заводчики добились снятия «посессионных ограничений» на продажу природных ресурсов и залог округов в ипотечных банках по частным распоряжениям властей. Из семи существовавших в то время на Урале казённых округов по правилам, утверждённым в 1871 г., были проданы только два. Начавшаяся же в 1886 г. реформа горного управления ограничилась корректировкой сложившейся системы, сохранив её основные звенья. Горные подати в 1869 г. были понижены, но только в 1898–1901 гг. их заменили промысловым налогом.

Значительно усложнившиеся во второй половине XIX – начале XX в. условия развития горнозаводской промышленности существенно повысили роль заводчиков и привели к формированию новой тенденции, связанной с их возвращением к активной предпринимательской деятельности, которая стала теперь не менее престижной, чем государственная служба. Причём эта тенденция прослеживается как среди потомственных заводчиков, так и у тех, кто оказался в их составе уже в пореформенное время. Большинство из них по-прежнему предпочитали управлять «дистанционно», нанимая на заводы инженеров, техников, геологов, лесничих, бухгалтеров и других образованных специалистов, количество которых тогда заметно возросло. В то же время наблюдается стремление заводчиков чаще посещать свои уральские имения (С.С. Абамелек-Лазарев и Е.П. Демидов, например, старались делать это ежегодно), а некоторые из них даже переселялись на Урал. Так, в частности, поступили кн. С.Е. Львов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Д.П. Соломирский и даже британский барон В. Рекстер-Вагстаф, который намеревался жить на купленных им Холуницких заводах в Вятской губернии. Предпринимательство зачастую становилось для таких владельцев основным занятием. Но, в отличие от своих далёких предшественников, они сосредоточивались, как правило, на организации управления, передавая заботы о многоотраслевом хозяйстве в руки российских или иностранных специалистов¹⁵.

К новому типу заводчиков можно отнести владельца Чёрмоозских заводов кн. С.С. Абамелек-Лазарева, Лысьвенских – гр. П.П. Шувалова, Сысертских – П.М. Турчанинова, Шайтанских – П.В. Берга, Симских – Н.П. Балашова и др. В принадлежавших им округах в конце XIX – начале XX в. началась корен-

¹⁵ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

ная реконструкция, выразившаяся не только в обновлении оборудования и внедрении новых технологий, но и в ломке устаревших связей, концентрации производства и т.п. Способные предприниматели встречались и среди тех, кто приобретал уральские имения (С.Д. Башмаков, кн. С.Е. Львов, Н.П. Пастухов, Г.М. Пермикин, А.Ф. Поклевский-Козелл, В.А. Ратьков-Рожнов, В.Н. Рукавишников, П.Г. Солодовников). В своей деятельности они стремились опираться уже не столько на помощь государства, сколько на собственные силы и ресурсы, используя в конкуренции и новейшие механизмы синдикатского типа¹⁶.

В то же время не смогли адаптироваться к новым условиям развития отрасли и вынуждены были продать или закрыть заводы Всеволожские, Губины, Мосоловы, Пашковы, Сухозанеты, Пономарёвы, Поклевские, Бенардаки, «ревдинские» и «суксунские» Демидовы. «Расточительными и беспечными» современники называли владельца Белорецких заводов Н.И. Пашкова, Никитинских – Н.Н. Всеволожского, Холуницких – А.Д. Пономарёва и И.А. Поклевского-Козелл, Каноникольского завода – А.П. Загрязского. Следствием пренебрежительного отношения к своим владельческим обязанностям оказывалось, как правило, признание их несостоятельными должниками с последующей распродажей имущества.

Прежние наиболее распространённые формы индивидуальной государственной поддержки либо вовсе утрачивали своё значение, либо использовались в единичных случаях, когда «несостоятельность» заводчика обуславливалась не столько его расточительностью, сколько не всегда удачными мерами по возрождению заводов. Так, фактическое признание банкротами С.Д. Башмакова, К.Э. Белосельского-Белозерского, А.П. Демидова и др. стало следствием недостатка капиталов, необходимых для реконструкции заводов, или резких скачков динамично менявшейся конъюнктуры рынка, делавших непредсказуемыми размеры дохода. В условиях, когда уральская металлургия вступала на рыночный путь с его нестабильной динамикой, любые стратегические решения зачастую сопрягались с немалым, а порой и неоправданно высоким финансовым риском.

Фундаментальная реконструкция производства и слом окружной системы требовали крупных инвестиций, нередко превышавших доходы заводов и заводчиков. Это делало целесообразным и даже необходимым акционирование, которое инициировалось, как правило, самими владельцами. Начавшись в середине XIX в., этот процесс значительно ускорился в условиях острого металлургического кризиса начала XX в. и к 1917 г. охватил 20 из 28 (72%) горнозаводских округов Урала¹⁷. Заметную роль в этом играли крупные российские и европейские банки и банковско-промышленные группы, которые постепенно вытесняли прежних владельцев (на момент национализации их оставалось всего восемь человек) и замещали их в процессе трансформации устаревших форм организации труда и производства.

¹⁶ Сапоговская Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993; она же. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34; Друзин М.В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. Вып. 4. СПб., 2008. С. 135–175.

¹⁷ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

Эволюция облика уральских заводчиков XVIII – начала XX в., таким образом, заключалась в последовательной смене трёх исторических типов, соответствовавших периодам развития окружной организации горнозаводской промышленности и формировавшихся под влиянием сословного характера российского общества. Заводчиков – организаторов производства и универсальных специалистов периода становления окружной системы в XVIII в. сменили заводчики-помещики, дистанцировавшиеся от непосредственного управления заводами в условиях стабилизации окружной организации в первой половине XIX в., а их, в свою очередь, – вернувшиеся к профессиональному управлению заводчики-менеджеры второй половины XIX – начала XX в., когда под влиянием индустриализации начался распад окружной системы и формирование промышленности нового типа.

На заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории, уральский заводчик стал утрачивать свой персонифицированный облик. В условиях развернувшейся в стране модернизации на смену ему приходили обезличенные акционерные общества, становившиеся корпоративными собственниками заводов. Основными их участниками являлись уже не столько представители «старинных» владельческих родов, сколько крупные промышленные или финансовые организации, возможности которых более соответствовали масштабным задачам индустриализации. Созданный же Д.Н. Маминым-Сибиряком художественный образ заводчика, не занимавшегося и не желавшего заниматься заводскими делами, в той или иной степени был характерен для всех периодов истории уральской промышленности. Однако он никогда не становился доминирующим типом, прежде всего благодаря влиянию государства, стремившегося при всех противоречиях своей политики поддерживать развитие стратегически важной отрасли экономики.

Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолёты

Михаил Мухин

Soviet aircraft industry of the 1940s and the first jets

Mikhail Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Реактивные самолёты появились лишь на заключительном этапе Второй мировой войны и поэтому не сыграли роль волшебного «супероружия», одним своим присутствием меняющего соотношение сил в борьбе за господство в воздухе. Однако способность разрабатывать и серийно производить подобные машины приобрела самостоятельное значение. Она стала определять принадлежность государства к достаточно узкому кругу держав – обладателей «макротехнологий», играющих в современной экономике важнейшую роль, и освоение их определило место той или иной страны в мировом разделении труда¹.

© 2016 г. М.Ю. Мухин

¹ Подробнее см.: *Ленчук Е.Б.* Проблемы перехода России к инновационной модели развития // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 11.